



Участие тамбовской губернской милиции в борьбе с крестьянским повстанчеством. 1918–1922 гг.

Владимир Борисович БЕЗГИН ^{*}, Сергей Алексеевич ПАРАХИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106

*Адрес для переписки: vladyka62@mail.ru

Актуальность. Научная проблема заключается в изучении деятельности Тамбовской губернской милиции периода 1918–1922 гг. как репрессивного органа советской системы управления. Цель исследования – анализ участия уездных отделений милиции в подавлении крестьянского протеста периода Гражданской войны.

Методы исследования. Деятельность губернской милиции в годы Гражданской войны изучена посредством историко-системного подхода, что позволило рассматривать изучаемый объект как составную часть советской системы управления. Анализ участия сельских милиционеров в борьбе с крестьянским протестом осуществлен через призму поколения «революционного перелома».

Результаты исследования. На основе содержания рапортов сельских милиционеров выяснены причины крестьянского недовольства, а также ход деревенских «мятежей». Установлены формы и характер мер, использованные губернской милицией, с целью противодействия антиправительственным выступлениям сельских жителей. Факты должностных преступлений и даже измены тамбовских милиционеров выявлены посредством изучения приговоров революционного военного трибунала. Сделан вывод о том, что во время Тамбовского восстания 1920–1921 гг. отряды губернской милиции, наряду с частями Красной армии, были задействованы в осуществлении репрессивных мер и проведении карательных операций в «мятежных» селах.

Выводы. Практическая значимость работы заключена в использовании ее результатов для изучения роли «поколения революционного перелома» в событиях Гражданской войны. Перспективы исследования видятся в установлении «скрытых» форм крестьянского протеста в период новой экономической политики и роли губернской милиции в противодействии им.

Ключевые слова: губернская милиция, коммунистическая власть, крестьянство, повстанчество, Тамбовское восстание, репрессии, должностные преступления, поколение «революционного перелома»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00132 «Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века».

Для цитирования: Безгин В.Б., Парахин С.А. Участие тамбовской губернской милиции в борьбе с крестьянским повстанчеством. 1918–1922 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 491-500. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-491-500>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-491-500>

Participation of the Tambov governorate militia in the fight against peasant insurrection. 1918–1922

Vladimir B. BEZGIN *, Sergey A. PARAKHIN

Tambov State Technical University

106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

*Corresponding author: vladyka62@mail.ru

Importance. The scientific problem is to study the activities of the Tambov governorate militia of the period 1918–1922 as a repressive body of the Soviet management system. The purpose of the research is to analyze the participation of county police departments in the suppression of peasant protest during the Civil War.

Materials and methods. The activity of the governorate militia during the Civil War was studied through a historical and systematic approach, which made it possible to consider the studied object as an integral part of the Soviet management system. The analysis of the participation of rural policemen in the fight against peasant protest is carried out through the prism of the generation of the “revolutionary turning point”.

Results and Discussion. Based on the content of the reports of rural policemen, the causes of peasant discontent, as well as the course of village “rebellions”, were clarified. The forms and nature of the measures used by the governorate militia to counteract the anti-government protests of rural residents have been established. The facts of official crimes and even treason of Tambov policemen were revealed by studying the sentences of the revolutionary military tribunal. It is concluded that during the Tambov uprising of 1920–1921 detachments of the governorate militia, along with units of the Red Army, were involved in the implementation of repressive measures and punitive operations in “rebellious” villages.

Conclusion. The practical significance of the work lies in the use of its results to study the role of the “generation of the revolutionary turning point” in the events of the Civil War. The prospects of the study are seen in the establishment of “hidden” forms of peasant protest during the period of the new economic policy and the role of the governorate militia in countering them.

Keywords: governorate militia, communist power, peasantry, insurrection, Tambov uprising, repression, official crimes, the generation of the “revolutionary turning point”

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-18-00132 “The generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the 20th century”.

For citation: Bezgin, V.B., & Parakhin S.A., (2023). Participation of the Tambov governorate militia in the fight against peasant insurrection. 1918–1922. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 2, pp. 491-500. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-491-500>

АКТУАЛЬНОСТЬ

После прихода большевиков к власти и в процессе формирования советской государственности была создана рабоче-крестьянская милиция, как составная часть репрессивной системы коммунистического режима.

Милиция была включена в систему управления и находилась в непосредственном ведении местных Советов и подчинялась общему руководству НКВД. Статус милиции определялся как вооруженный исполнительный орган, действующий на основе воинского устава. В рамках охраны общественного

порядка на губернскую милицию возлагался значительный объем работы, в том числе и обязанности по борьбе с контрреволюционными выступлениями. Именно это направление деятельности советской милиции стало предметом настоящего исследования.

В контексте изучения проблемы взаимоотношения власти и крестьянства в революционную эпоху вопрос применения коммунистическим режимом репрессий для подавления социального протеста остается актуальным. Не менее востребована исследователями и тема участия правоохранительных органов советской власти в борьбе с антиправительственными выступлениями периода гражданской войны [1–4].

Цель исследования – выяснить роль органов милиции Тамбовской губернии в противодействии протестным выступлениям крестьян во время «сельских мятежей» 1918–1919 гг. и в период Тамбовского восстания 1920–1921 гг.

Новизна исследования заключается как в постановке проблемы, которая в таком аспекте до сих пор не изучалась, так и в круге использованных источников. В частности, впервые в научный оборот введены материалы фондов губернской милиции, отдела управления губисполкома, губернского военного трибунала Государственного архива Тамбовской области (ГАТО), а также ранее не востребованные документы Тамбовского губкома РКП(б), хранящиеся в Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный инструментарий, использованный в работе, включает в себя традиционные методы исторического исследования. Историко-генетический метод применен для изучения генезиса и эволюции правоохранительных органов советской России в целом, и в частности, зарождения и становления рабоче-крестьянской милиции в Тамбовской губернии. Анализ ее деятельности в годы Гражданской войны изучен посредством исто-

рико-системного подхода, что позволило рассматривать изучаемый объект как составную часть советского репрессивного аппарата. Особенности деятельности тамбовской милиции установлены на основе сравнительного метода. Исследование осуществлено на принципах историзма и объективности. Это позволило в полной мере учесть характер революционной эпохи, уровень социальной конфронтации, а также оценить деятельность изучаемого объекта в контексте реалий Гражданской войны в советской России.

Новизна подхода состоит в том, что объект исследования изучен посредством парадигмы истории поколений. В частности, анализ деятельности органов милиции Тамбовской губернии по борьбе с крестьянским протестом осуществлен через призму участия в этом процессе определенной возрастной когорты – поколения «революционного перелома» [5]. Данное понятие ввел социолог Ю.А. Левада. Под понятием «революционного перелома» он понимал период 1905–1930 гг., а к этому поколению относил людей 1890-х гг. рождения [6, с. 7]. Ряд специалистов считают правомерным расширение этих хронологических рамок [7, с. 470]. Такой позиции придерживаются и авторы данной работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая волна протестных выступлений в тамбовской деревне прокатилась летом–осенью 1918 г. Причины, вызвавшие «сельские мятежи», были различны: по причине «трудовой мобилизации приходских священников» (Козловский уезд)¹, на почве «изъятия метрических книг и мобилизации скота» (Кирсановский уезд)², вследствие «неприличных выходок и пьянства революционного штаба» (Моршанский уезд)³, из-за «нехватки соли и керосина» (Тамбовский уезд)⁴. При всем разнообразии поводов для недовольства

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 18. Л. 81.

² ГАТО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

³ Там же. Д. 18. Л. 5.

⁴ ГАТО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

крестьян неизменным оставалось то, что триггером протеста были действия властей. Так, 10 ноября 1918 г. крестьяне д. Александровка Знаменской волости Тамбовского уезда, недовольные контрибуцией, подняли восстание, разоружили и арестовали продовольственный отряд⁵. Из донесения начальника Усманской уездной милиции от 13 ноября 1918 г. следует, что в с. Дрязги крестьяне, обучающиеся обязательному военному строю, на почве недовольства местной властью арестовали волостной совет⁶. Первый опыт противодействия крестьянскому недовольству показал власти, что местные сотрудники милиции не вполне надежны. В докладе Кирсановской УЧК от 17 декабря 1918 г. указывалось, что за «контрреволюционные заговоры» расстреляно два участковых начальника милиции⁷. Такая ситуация не изменилась и спустя год. Так, согласно сведениям уполномоченного по г. Моршанск Семенова от 19 декабря 1919 г., начальник милиции Моршанска обвинялся в изнасиловании, пьянстве, продаже казенного имущества, дискредитировании советской власти. Материал был передан в губернский трибунал⁸. По сути, роль службы внутренней безопасности в милиции выполняла уездная ЧК, а после ее упразднения губернская ЧК. В донесении начальника милиции Моршанского уезда от 13 декабря 1919 г. сообщалось о том, что «в последнее время наблюдаются случаи арестов милиционеров местной УЧК во время исполнения ими служебных обязанностей без уведомления начальника милиции»⁹. Взаимоотношения органов милиции и ЧК оставались сложными на протяжении всего изучаемого периода.

С установлением советской власти на местах уездные отделы милиции выступали для губернского центра одним из каналов

оперативной информации о происходивших на местах «белогвардейских мятежах» и «кулацких восстаниях». Например, начальник 7-го участка Тамбовской уездной милиции докладывал, что 9 ноября 1918 г. в 12 верстах от с. Митрополье в с. Грибоедово Моршанского уезда вооруженные кулаки под предводительством бывших офицеров арестовали совет и комитет бедноты, а затем расстреляли их¹⁰. Начальник районного отдела милиции Елатомского уезда 13 ноября 1918 г. сообщал, что в д. Узково Саватеевской волости «кулаками было организовано восстание против сельского совета, какой был ими разогнан»¹¹. Содержание, использованные определения и оценочные суждения таких сводок не оставляют сомнения в том, что на сельскую милицию губернской властью, помимо задачи по охране общественного порядка, была возложена функция политического сыска. Наряду с этим личный состав милицейских участков должен был оперативно пресекать в селах антиправительственные выступления.

Документы свидетельствуют о том, что возможностей уездных отделов милиции для подавления крестьянского протеста было явно недостаточно. Так, в отчете Кирсановской милиции о степени спокойствия на местах в период с 1 ноября по 1 декабря 1918 г. сообщалось, что подавить восстание в с. Рудовка силами местного гарнизона и милиции не представлялось возможным, и весь уезд был объявлен на осадном положении. Только с подходом вооруженных сил из Саратовской и Пензенской губерний мятеж был ликвидирован, а зачинщики расстреляны на месте¹². Местные власти и в дальнейшем для подавления сельских «мятежей» прибегали к военной помощи губернского центра, а порой и соседних регионов.

Сельским милиционерам, как представителям власти на местах, приходилось первыми принимать на себя всю ожесточенность протеста сельских жителей. Так, начальник

⁵ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.

⁶ Там же. Л. 50об.

⁷ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-837. Оп. 1. Д. 24. Л. 25об.

⁸ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 33. Л. 2об.

⁹ Там же. Д. 93. Л. 16.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

¹¹ Там же. Л. 48.

¹² Там же. Л. 45.

4-го участка милиции Шацкого уезда Чекалин сообщил по телефону, что «3 ноября 1918 г. в 12 часов вооруженная толпа ворвалась в помещение милиции с. Конобеева, убила двух красноармейцев, освободила трех арестованных, а ему удалось бежать»¹³. Находясь в эпицентре мятежных событий, милиционеры становились жертвами насильственных действий крестьян. По сведениям начальника милиции 4-го участка, в ходе восстания 18 ноября 1918 г. бандой был расстрелян милиционер Базелев из Пахотно-Угольской волости, а милиционер Татаршинской волости Баранов арестован и жестоко избит¹⁴. Из рапорта начальника милиции 2-го района Усманского уезда от 19 сентября 1919 г. узнаем, что 8 сентября 1919 г. «белогвардейская банда» захватила с. Княже-Байгору, где арестовала, а 11 сентября убила старшего милиционера волости Коровина. Спустя два дня его труп был обнаружен. Из описания: «Нос отрублен, переносица вдавлена так, что глаза вышли из орбит, под кожей головы запеклась кровь, правая рука в кисти раздавлена»¹⁵.

По мере нарастания социального конфликта между крестьянством и коммунистической властью последняя все чаще стала прибегать к использованию вооруженной силы. Ее носителем на местах наряду с красноармейскими гарнизонами, частями ВОХР, отрядами губЧК выступали районные отделы губернской милиции. Согласно декрету СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г., работники милиции не подлежали призыву в Красную армию и считались прикомандированными к отделам управления исполкомов Советов. В милиции водилась военная дисциплина и обязательное обучение военному делу [8, с. 52]. Части милиции, находившиеся в районе боевых действий, по соглашению с реввоенсоветами армии и фронтов с местными исполнительными комитетами, могли привлекаться к участию в них. В условиях тыловой губернии фронт мог быть только внутренним, а врагом

являлись местные крестьяне, вступившие в конфронтацию с властью.

Не вызывает сомнения то, что волнения крестьян в тамбовском селе 1919 – первой половины 1920 гг. происходили на почве хлебных реквизиций и были спровоцированы действием продовольственных отрядов. О нарастании протестных настроений в деревне, грозящих вылиться в открытую форму вооруженной борьбы, уже в начале лета 1920 г. сообщали начальники милиции уездов Тамбовской губернии. В рапорте от 23 июня 1920 г. начальника 7-го района Митропольской волости Тамбовского уезда Лебедева говорилось, что «в волости находится отряд по реквизиции хлеба, скота, яиц и масла. Этот отряд под командой т. Прожатковского творит различного рода насилие. Они угоняют скот, отбирают последний пуд хлеба. По этой причине население ведет себя озлобленно. Продолжение таких действий может привести к восстанию, как это было в 1918 г.»¹⁶ Из с. Кривополянье Тамбовского уезда милиционер Кобыстин сообщал 23 июня 1920 г. начальнику милиции 7-го района, что уполномоченный по гужевой повинности т. Бритвин чинит произвол, проводит аресты, угрожает оружием, вызывает озлобление местных граждан, поэтому за спокойствие в волости он не ручается¹⁷. Таким образом, милицейские сводки отражали реальную ситуацию, сложившуюся в деревнях. В них указывались истинные причины крестьянского недовольства, а опасения, которые высказывали их авторы, были вполне обоснованы.

Сельских милиционеров губернская власть бросала первыми на подавление крестьянских протестов. Так, телеграммой от 16 февраля 1920 г. сообщалось, что в с. Талицкий Чамлык Усманского уезда произошло восстание на почве продразверстки, и для его подавления выслан отряд милиции¹⁸. В задачи милиции входила и борьба с дезертирством. Наряду с отрядами по борьбе с дезертирами сотрудники уездной милиции принима-

¹³ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Л. 46-46об.

¹⁴ Там же. Л. 24об.

¹⁵ Там же. Л. 180.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 92. Л. 272.

¹⁷ Там же. Л. 273.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 36. Л. 54.

ли участие в выявлении и аресте «зеленых». В Козловском уезде сотрудниками местной милиции за время с 1 октября 1919 г. по 2 ноября 1920 г. обнаружено дезертиров – 141, бандитов – 54, ликвидировано 5 бандитских шаек. А всего силами губернской милиции по состоянию на 16 ноября 1920 г. было задержано 1344 дезертира, 440 бандитов, ликвидировано 14 шаек¹⁹.

С началом восстания личный состав губернской милиции был использован для охраны местной инфраструктуры, а также с целью разведки в местах действия повстанческих отрядов. При необходимости милиционеры вступали в бой с партизанами, входили в состав красных войск при выполнении ими военных операций. По сведениям об участии милиционеров в сражениях с «бандитами» от 4 октября 1920 г. узнаем, что в Тамбовском уезде было задействовано милиционеров – 173, из них убито – 5, пропало без вести – 4; Борисоглебском уезде – 135, убито – 4, ранено – 2; Кирсановском уезде – 90, убито – 6, ранен – 1²⁰. К 16 ноября 1920 г. потери губернской милиции составили убитыми: комсостава – 9 человек, милиционеров – 50 человек²¹.

В ноябре 1920 г. в Тамбовской губернии у с. Бондари отряд милиции, численностью в 8 сотрудников, во главе с Е.П. Баженовым принял бой с крупным соединением Антонова. Бандиты зверски расправились с Баженовым: ему, тяжело раненному, вбили кол в голову, тело привязали к лошади и проволокли по селу [8, с. 70]. Жестокость, которую сельские комбатанты проявляли к противнику, в том числе и милиционерам, являлась следствием как военного противоборства, так и результатом мести крестьян за карательные действия противника.

О масштабах и ожесточенности крестьянского восстания в губернии свидетельствуют потери тамбовской милиции. Например, 17 октября 1920 г. в с. Пахотный Угол в результате боя с партизанами погибли на-

чальник 7-го района милиции Баженов и 12 милиционеров. А 26 ноября 1920 г. в Шапкинской волости Борисоглебского уезда повстанцами были расстреляны милиционеры Филатова и Чернова²². В с. Верхне-Спасское Тамбовского уезда 5 декабря 1920 г. были убиты 3 милиционера 6-го района²³. Три милиционера 2-го района Борисоглебской уездной милиции 7 февраля 1921 г. были зарублены антоновцами в с. Шапкино²⁴. Из доклада начальника губернской милиции Фетодова от 6 мая 1921 г. явствует, что с начала возникновения бандитизма было убито милиционеров 100, умерло от ран – 1, ранено – 19 человек, пропало без вести – 8²⁵. Значительный урон в районе восстания был нанесен местным органам милиции и имуществу ее сотрудников. Так, в период с 1 августа 1920 г. по 1 мая 1921 г. «бандитами» было уничтожено и разграблено 15 районных управлений милиции, из них в Борисоглебском уезде – 3, Тамбовском – 6, Кирсановском – 2, Моршанском – 2, Козловском – 2. Кроме того разграблено и уничтожено имущество 20 семейств милиционеров²⁶. Таким образом, в ходе вооруженного противостояния крестьянские повстанцы воспринимали сотрудников районной милиции как представителей коммунистической власти, а следовательно, врагов, которые должны быть уничтожены.

На завершающем этапе подавления крестьянского восстания сотрудники губернской милиции принимали участие в операциях по обнаружению и ликвидации повстанческих отрядов. Например, в Борисоглебском уезде отряд милиционеров 3 июля 1921 г. атаковал банду Канищева в районе д. Кулябово и нанес ей большие потери, отбив 12 лошадей с седлами. А 13 июля 1921 г. милицейским отрядом Больше-Алабухского района была разбита местная банда численностью в 25

¹⁹ Там же. Д. 101 Л. 12.

²⁰ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 101. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 3.

²² ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 208. Л. 9.

²³ Там же. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 62.

²⁵ Там же. Д. 159. Л. 51.

²⁶ Там же.

человек и захвачено 10 лошадей²⁷. Милиционеры привлекали для проведения облав с целью поимки скрывавшихся антоновцев; составления списков местных жителей, участников «банд»; ареста в качестве заложников членов «бандитских» семей и конвоирования их в концентрационные лагеря; осуществления контроля над бывшими повстанцами, которые вернулись домой из мест заключения. Можно предположить, что такой «функционал» не добавлял уважения милиционерам со стороны односельчан, тем более, если они были местными жителями.

Судя по документам, качественный состав работников милиции не удовлетворял и губернское руководство. Из доклада сотрудника секретной оперативной части т. Кузина о состоянии милиции Козловского уезда за август 1919 г. следует, что «милиция никуда не годится, ее сотрудники по три месяца не получают жалования, не имеют обмундирования. По словам начальника милиции, его подчиненные часто реквизируют на базаре продукты лично для себя, и за это их не наказывали»²⁸. В условиях продовольственного кризиса такое поведение милиционеров было следствием их плачевного материального положения. «Солдатам правопорядка», в большинстве своем крестьянского происхождения, явно не хватало «классового чутья» и преданности «идеалам революции». Из циркуляра Тамбовского ГОУ от 21 апреля 1920 г. следует, что «милиция не спаяна революционной дисциплиной и твердым пролетарским сознанием, одним из крупных недостатков является родство отдельных милиционеров с местным населением»²⁹. В содержании циркуляра от 6 мая 1920 г. отмечалось, что «многие милиционеры, являясь местными жителями, производя дознание, сводят личные счеты и вводят в дознание извращенные факты, и вообще ложные сведения»³⁰.

Другим пороком местной милиции были должностные преступления ее сотрудников.

Из государственной информационной сводки за 27 мая 1922 г. следует, что «губернская милиция недостаточно политически развита, есть стремление, особенно в селах, быть руководящим органом. В нравственном отношении не совсем устойчива, в некоторых местах милиция дискредитирует советскую власть, поголовно пьянствуя, во главе с начальником, буйствуя и беря взятки (сведения из Борисоглебского уезда)»³¹. Далее сообщалось, что «работа милиции по охране гражданских прав и государственного порядка отсутствует. В целом ряде случаев милиция отказывалась производить расследование краж, самосудов, спиртокурения»³². Такая ситуация объяснима состоянием крестьянского правосознания, основанного на обычном праве, согласно нормам которого данные деяния преступными не являлись.

Традиции сельского социума и крестьянские корни в моменты жизненного выбора порой оказывались более весомыми, чем верность служебному долгу. Нами были обнаружены случаи перехода милиционеров на сторону восставших крестьян. Так, приговором РВТ при командующем войсками Тамбовской губернии от 7 июня 1921 г. Панферов Иван Сергеевич, 28 лет, из крестьян Тамбовской губернии Козловского уезда Дубровской волости с. Чернявское, был подвергнут высшей мере наказания – расстрелу. Его вина состояла в том, что «он взял из пирамиды винтовку по приказанию начальника милиции, и вместе с другими двумя милиционерами, его родственниками Панферовами, бежал домой, захватив с собой винтовку и обмундирование. По прибытию домой все трое ступили в банду и при оцеплении красными войсками д. Двойни-Криуши в числе других бандитов были задержаны»³³. Приведем еще один пример предательства тамбовских милиционеров. Так, 5-м отделом РВТ 17 мая 1921 г. в 19 часов 30 минут были приговорены к расстрелу за укрывательство бандитов Асосков Федор Гаврилович, помощник

²⁷ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1058. Л. 8.

²⁸ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 399. Л. 13.

²⁹ ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 399. Л. 104.

³⁰ Там же. Л. 226.

³¹ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1811. Л. 76об.

³² Там же.

³³ ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 1. Д. 69. Л. 32об.

начальника милиции Алгасовского района, 32 лет и крестьянин, член РКП, письмоводитель, милиционер того же района Кульнев Иван Петрович, 37 лет³⁴. Нами был обнаружен также факт расстрела сотрудника милиции за преступление, присущее военному времени. Так, приговором губернского военного трибунала от 8 августа 1921 г. за мародерство высшей мере наказания был подвергнут милиционер Фомин Семен Павлович, 27 лет, грамотный, хлебопашец, из крестьян с. Вирятино Кулеватовской волости Моршанского уезда³⁵. Таким образом, сотрудники тамбовской милиции, будучи в большинстве своем местными уроженцами, были не всегда надежны, особенно в осуществлении как репрессивных мер против повстанцев, так и в проведении карательных акций в отношении мирного населения, нонкомбатантов.

Данная проблема была понятна военно-политическому руководству губернии, которое и попыталось устранить причину, ее породившую. По состоянию на 1 мая 1921 г., численный состав губернской милиции насчитывал 3500 человек, 65 % тамбовских милиционеров были крестьянами³⁶. Вступив в должность командующего войсками Тамбовской губернии, М. Тухачевский приказал увеличить число сотрудников милиции за счет демобилизованных красноармейцев, уроженцев не Тамбовской губернии. Мотив такого решения ясен. Опыт использования армейских команд и отрядов милиции местного формирования в борьбе с повстанцами показал их низкую боеспособность по причине крестьянских корней и семейных уз, связывающих их с родными селами. Эти связи могли быть если не разрушены, то ослаблены только посредством пополнения рядов местной милиции людьми пришлыми, преимущественно выходцами из иной социальной среды. Подтверждением решения этой задачи служат данные о численном составе губернской милиции. Так, по состоянию на

1 сентября 1921 г. общее число сотрудников милиции в губернии составило 10190 человек, из которых 7724 человека прибыло по нарядам из других военных округов³⁷. Таким образом, численность тамбовской милиции была увеличена практически втрое. Теперь две трети ее личного состава было представлено сотрудниками, направленных сюда для несения службы из других регионов страны.

ВЫВОДЫ

В 1918–1921 гг. губернская власть активно использовала органы милиции для борьбы с крестьянским протестом. Ее личный состав был привлекаем для разведки, охраны, поимки дезертиров, розыска и ареста повстанцев, участия в боевых операциях. Анализ потерь губернской милиции, понесенных в ходе подавления крестьянского восстания, говорит о том, что сотрудники милиции принимали участие в боевых действиях. Качественный состав милиции не удовлетворял военно-партийное руководство губернии. Были отмечены случаи, когда сельские милиционеры, будучи местными жителями, скрывали дезертиров, не проявляли рвения в обнаружении местонахождения повстанцев и т. п. С целью усиления надежности губернской милиции ее ряды были существенно пополнены за счет красноармейцев, не являвшимися местными уроженцами.

В результате изучения возраста рядовых сотрудников губернской милиции установлено, что большинство из них были 1890-х гг. рождения, то есть они, как и участники Тамбовского восстания [9, с. 688], были представителями поколения «революционного перелома». Таким образом, противники в вооруженном противостоянии были не только выходцами из деревни, но и примерно ровесниками, мужчинами возраста 20–30 лет. Это является еще одним подтверждением выводов о том, что главными действующими лицами этой социальной драмы были крестьяне одной возрастной когорты.

³⁴ Там же. Д. 81. Л. 19.

³⁵ Там же. Л. 41.

³⁶ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 159. Л. 66об.

³⁷ Там же. Л. 58.

Список источников

1. *Алексанян Н.А.* Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы гражданской войны (1917–1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 16-27. <https://elibrary.ru/umesaz>
2. *Орлов К.А., Чашиников В.А.* Некоторые аспекты деятельности органов милиции в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 171-176. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-171-176>, <https://elibrary.ru/tjqviy>
3. *Пашин В.П.* К истокам становления и деятельности советской милиции (на материалах Курского края) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 4. С. 1070-1080. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-4-1070-1080>, <https://elibrary.ru/ewwygc>
4. *Чигрин М.В.* Формирование и становление органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 гг.: на материалах Симбирской, Самарской, Пензенской и Чувашской автономной области // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 91-104. <https://elibrary.ru/bxgknw>
5. *Вязинкин А.Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 153-165. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>, <https://elibrary.ru/ipecnd>
6. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7-14. <https://elibrary.ru/htmniip>
7. *Слезин А.А.* Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне периода нэпа // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 467-491. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491>, <https://elibrary.ru/qmrogc>
8. Советская милиция: история и современность (1917–1987) / под ред. А.В. Власова. М.: Юрид. лит., 1987. 336 с. <https://elibrary.ru/vjhipt>
9. *Безгин В.Б., Безай О.В.* Социальный облик и участь крестьянских повстанцев (по материалам фондов Государственного архива Тамбовской области) // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 685-699. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-685-699>, <https://elibrary.ru/skotpx>

References

1. Aleksanyan N.A. (2015). Formation and activity of the soviet militia of Voronezh province in the years of the civil war (1917–1922). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culture and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 11-2 (61), pp. 16-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/umesaz>
2. Orlov K.A., Chashnikov V.A. (2022). Some aspects of the activities of the police during the civil war (1918–1920). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 171-176. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-171-176>, <https://elibrary.ru/tjqviy>
3. Pashin V.P. (2022). To the origins of the development and activities of the soviet police (based on the materials of the Kursk region). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 27, no. 4, pp. 1070-1080. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-4-1070-1080>, <https://elibrary.ru/ewwygc>
4. Chigrin M.V. (2022). Formation and development of the soviet militia bodies in the middle Volga region in 1917–1922: on the materials of the Simbirsk, Samara, Penza governorates and the Chuvash autonomous region. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], no. 3 (63), pp. 91-104. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bxgknw>

5. Vyazinkin A.Yu. (2022). Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: problems of historiography. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, no. 7-2, pp. 153-165. (In Russ.) <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>, <https://elibrary.ru/ipecnd>
6. Levada Yu.A. (2001). Generations of the 20th century: opportunities for research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5 (55), pp. 7-14. <https://elibrary.ru/htmnip>
7. Slezin A.A. (2023). Confrontation between believers and young “godless” as a factor of intergenerational rift in Russian village in 1920s. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, vol. 12, no. 1, pp. 467-491. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491>, <https://elibrary.ru/qmrogc>
8. Vlasov A.V. (ed.). (1987). *Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost' (1917–1987) [Soviet Militia: History and Modernity (1917–1987)]*. Moscow, Legal Literature Publ., 336 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjhipt>
9. Bezgin V.B., Bezai O.V. (2019). Social image and fate of peasant rebels of 1920–1921: Materials from the fonds of the state archive of the Tambov region. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 685-699. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-685-699>, <https://elibrary.ru/skotpx>

Информация об авторах

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7074-6823>, Researcher ID A-8926-2018, Scopus Author ID 56940690200, vladyka62@mail.ru

Парахин Сергей Алексеевич, научный сотрудник НИЛ «Коммуникационные аспекты исторического и социально-экономического развития общества», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, vano12122@mail.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 06.02.2023
Поступила после рецензирования 03.04.2023
Принята к публикации 27.04.2023

Information about the authors

Vladimir B. Bezgin, Dr. habil. (History), Professor, Leading Research Scholar, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7074-6823>, Researcher ID A-8926-2018, Scopus Author ID 56940690200, vladyka62@mail.ru

Sergey A. Parakhin, Research Scholar of Scientific Research Laboratory “Communication Aspects of Historical and Socio-Economic Development of Society”, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, vano12122@mail.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 06.02.2023
Approved 03.04.2023
Revised 27.04.2023